

Ежи Гротовский

«Действие буквально»

**Выступление на конференции в обществе Костюшко.
Нью-Йорк, 19 апреля 1978 г. «Dialog». 1979, #9, Варшава.**

Когда в начале 70-х годов я заговорил о прекращении нашей деятельности в области театра, я потому так усиленно подчеркивал тезис о закрытии данного раздела, что существует автоматизм мышления. Можно тысячу раз повторять, что *работа* строится как *процесс*, а не как результат, достигнутый при помощи процесса, что в работе нет разделения, например, на период репетиций и период спектакля, и все равно слышать вопросы о результате, о продукте, о спектакле - но не о процессе. Слышать вопросы в таком роде: «Что вы поставили?» В контексте нынешней цивилизации трудно понять, что главным может оказаться *опыт процесса*, а не его продукта, результата, что главным может оказаться работа-процесс, а не работа-результат. Не хватит никаких слов, чтобы подчеркнуть это.

То же самое происходит с разделением на актера, то есть человека действующего, и зрителя, то есть человека наблюдающего. Когда мы имеем дело с продуктом – например, со спектаклем, – мы можем описать его со стороны. Можно написать, что происходит то-то и то-то, организовано таким-то образом. Но когда нет разделения на актера и зрителя, когда каждый *участник* процесса является *человеком действующим*, описание будто бы «со стороны», то есть попытка ухватить, что и как происходит, - такое описание чревато недоразумениями. Почему? Потому что оно делается с позиции наблюдателя, тогда как процесс становится познаваем лишь для человека действующего. Поэтому здесь возможно только описание «изнутри».

Впрочем, многие из описаний, которые я читал после 75-го года, после Университета Поисков, тоже могли привести к недоразумениям. Например, к мысли о харцерском характере эксперимента. По той простой причине, что определенные элементы поведения вне города, вне урбанизированной среды большинству людей знакомы только по опыту харцерских походов или краеведческих экскурсий. Когда человек непрерывно живет в условиях, скажем так, цивилизованных, тогда все *другое* становится для него символически харцерским. Возьмем два примера из этих описаний. Холодно - разжигается огонь. Читатель автоматически представляет себе харцерский костер. Кто-то идет лесом. Читатель вспоминает о том, как он когда-то шел лесом, будучи харцером. Это только два примера, по существу, довольно простые.

Не имеет решающего значения, происходит ли что-то в урбанизированной среде или вне ее. Важно - что происходит с участником. А это не вытекает из описания деталей либо обстоятельств. Обстоятельства - это всего лишь обстоятельства. Их можно с равным успехом описать другим языком, не только языком харцерского опыта. Например, можно описать их языком театральным. В сущности, неважно каким языком что-либо описывается. Театральный язык мне знаком, так что я и с его помощью могу что-нибудь описать. Парадокс? Но сам разговор о чем-то невербальном - уже парадокс. Так что можно с равным успехом говорить театральным языком и о чем-либо «нетеатральном».

Обычно в театре мы имеем дело с местом, конкретность которого определяется при помощи декораций и реквизита. Они могут иметь характер буквальный или ассоциативный, но последнее отличие не имеет большого значения. Мы

улавливаемся, что происходящее на сцене происходит, например, в доме, на лугу, под луной, в космосе, в чьей-то голове. Но одновременно мы знаем, что этот Дом, луг, луна, космос, наконец, содержимое этой головы *на самом деле* находится на сцене либо - в случае уличного театра - на улице, и т. д. Так что одновременно все мы знаем, что действие происходит *на сцене*.

Теперь представьте себе, что все происходящее совершается в том месте, в котором совершается. Пространство не означает другого пространства. Если нечто совершается в комнате, то это совершается в комнате. Если нечто совершается на полу, то это совершается на полу. Если происходит в городе - то происходит в городе. А если вокруг луг - это происходит на лугу. И если солнце - то солнце там настоящее, реальное. И если дерево - то настоящее дерево. Одним словом, каждая вещь есть то, чем она является. Это - пространство.

В этом пространстве находятся люди. Если есть там дерево, под которым все происходит, то это просто дерево. Человек, находящийся под деревом, - просто человек, он сам. Речи нет о том, чтобы он изображал кого-то другого, - лишь бы был самим собой. Он находится там вместе с какими-то другими людьми, которых знает или не знает. Если он их знает, он не должен притворяться, что не знает их. Но если он с ними не знаком, то не должен притворяться, будто питает к ним дружеские чувства. Это кажется просто, но на самом деле не очень просто. На сцене, в театре мы обычно играем какую-нибудь роль. Если я играю Короля Лира, разница между мною и Лиром достаточно велика, чтобы я отдавал себе отчет в том, что играю кого-то другого. Но если я должен быть самим собой, под этим деревом, возникает пронзительный вопрос: каким именно собой? Таким, каким меня знают друзья? Таким, каким меня знают мои враги? Таким, каким мне хотелось бы предстать для других? Таким, каким я себя воображаю? Таким, каким я себя не люблю?

Дерево - учитель. Оно не задает себе таких вопросов. Оно является самим собой. Дает плоды, когда приходит время. Оно не рассчитывает, не прикидывает, не взвешивает. У нас в этом отношении сложнее.

Может, и невозможно ответить словами на вопрос: как быть самим собой? - но, несомненно, ответ можно найти в действии, если забыть о себе. Если забыть все эти мысли. Как дерево. Но для того, чтобы человек забыл о себе, он должен быть *Целиком в чем-то*. В том, что делает, чего жаждет. Или *целиком быть с кем-то*, кто рядом. Иначе говоря, он должен перестать беспрерывно думать о себе.

Что тогда происходит? Представим себе, что мы на прогулке. Мы должны преодолеть определенное пространство, выходим из города в горы, может быть, у нас собственная палатка, мы направляемся к какой-нибудь местной достопримечательности. Итак, мы находимся в дороге. Но все время, беспрерывно и неустанно, мы чем-то заняты. Чем-то, что позади нас, или чем-то, что еще впереди нас. То, что позади нас - это то, что мы покинули, то, что уже произошло: не забыли ли чего-нибудь? достаточно ли взяли еды? нет ли дырки в рюкзаке? не потеряли ли деньги? хватит ли времени на эту прогулку? То, что впереди, - это так называемая цель. Цель - это нечто, о чем мы непрерывно думаем, чтобы в результате ничего не испытать. Все тогда меняется, становится похожим на езду в трамвае от остановки до остановки. Позади - город, впереди - место для обеда, впереди - место для ночлега. «Когда мы достигнем цели?» Если при этом какая-то другая группа вышла одновременно с нами, то мы задаем себе вопрос: скорый наш трамвай или пассажирский? «Кто будет первым у цели?» Мы постоянно находимся мыслями где-то, куда еще не добрались. Можем миновать десять ручьев, пройти через десять лесов и ничего не увидеть, ничего не услышать, кроме собственного шума.

Если кто-то чувствует, что нечто происходит на самом деле, по-настоящему, то - чтобы избавиться от такого чувства - ищет слова, как это сформулировать. Например: «Ох! Посмотри, какой красивый заход солнца!» В тот момент, когда он это говорит, он

уже освобожден от возможности «испытать заход солнца», поскольку «заход солнца» становится инструментом для выражения его эстетического чувства и поводом что-то сказать. Ничего не говорить кажется ужасным. Если кто-то находится в лесу, то светит фонариком. Если он слышит птиц, то вопит, чтобы не слышать их (или говорит, что они красиво поют). Одним словом: мы непрерывно заботимся о том, чтобы продолжать свою повседневную болтовню и чтобы наконец достигнуть цели. В таком случае, мне кажется, лучше пользоваться механическим транспортом. (Разве что речь идет о том, чтобы поддерживать хорошую форму.) Так или иначе, мы приучены к тому, что почти каждая дорога - это преодоление дистанции. Мы находимся либо позади себя, либо впереди, но не там, где находимся.

Что же тогда происходит между людьми? Вернемся к театральному языку. Если я кого-то знаю, я определяю условия *игры* с ним. Например: серьезные или шуточные, возвышенные или ироничные. Как только мы оказываемся в группе, мы сразу же стараемся защитить себя от остальных такой условностью. Мы вдвоем заключаем договор, словно составляем заговор, чтобы нашим договором защититься от остальных. Если есть незнакомый, мы ведем себя по отношению к нему так же, как к дороге, когда, совершая путь, думаем, как бы поскорее дойти. Или мы хотим, чтобы это поскорее осталось позади, или стремимся, чтобы отношения были дружественными, или предпочитаем остаться равнодушными. Если при этом в наличии разница полов, мы испытываем искушение подчеркнуть это, например, кокетством или обороной. Во всяком случае, мы заранее «видим», что в конечном счете должно происходить. Одним словом: мы не воспринимаем чьего-либо присутствия, как не воспринимаем дороги. Мы воображаем себе цель. И таким образом - ничего не испытываем.

Поэтому *первым действием является не-действие*. Первое, что нужно сделать, - это то, что необходимо. Необязательно для этого выходить из города, можно испытать это в закрытом помещении. Представим себе закрытый зал, в котором находится несколько человек. Эти люди не стремятся к цели. Они начинают с того, что очевидно. Кто-то испытывает жажду и пьет воду. В этом нет никакой цели. Он пьет воду, потому что испытывает жажду. Это имеет причины и очевидность. Часто ли нам случается пить воду, потому что мы испытываем жажду? Не часто. Чаще мы пьем воду потому, что не знаем, что сказать, не знаем, что сделать: мы озабочены поисками повода для беседы. Поскольку мы не можем ничего «не-делать» - мы пьем воду. Но не только воду. И не только пьем. Например, мы начинаем есть не потому, что голодны, а только потому, что не знаем - что сделать. Тот, кто пьет - или ест - потому, что испытывает жажду или голоден, обладает великолепной «выразительностью» - он обладает очевидностью. Именно потому, что не стремится к выразительности.

Скажем, весь день продолжалась работа, пришел вечер, и группа начинает готовиться ко сну. Кому хочется спать, а кому - не хочется. Кому-то не хочется спать, но он все же готовится ко сну. Почему? Потому что наступило время сна. Такая у него цель... «Нужно лечь спать в одиннадцать, работал весь день». Не может заснуть - принимает таблетку. Представим себе, однако, человека, который засыпает, потому что хочет спать. Может быть, даже по ходу дела и необязательно вечером. Если мы достигли того, что в каком-то одном месте человек пьет воду, потому что испытывает жажду, другой поет, потому что ему в самом деле хочется петь, третий спит, потому что ему действительно хочется спать, четвертый бежит, потому что его несет, пятый прохлаждается, потому что наблюдает за другими, - мы имеем дело с феноменом сиюминутности. Они не находятся ни впереди себя, ни позади себя. Они находятся там, где находятся. Это всего лишь первый шаг, но это *первый шаг*, чтобы стать тем, кем являешься.

Если бы кто-нибудь описал это со стороны - да, в этом нет ничего необычного:

кто-то пьет воду, кто-то поет, кто-то спит, кто-то бежит, кто-то развлекается. Что в этом необычайного?

Мы проделываем разные опыты, в них участвуют разные люди, из них образуются разные группы. Это зависит от того, кто проводит эксперимент. И от тех, кто в нем участвует. Иначе говоря, зависит от потребностей. Но если бы я попытался найти единую общую формулу для некоторых из этих очень разных опытов - *когда они цельные, полные* - то сказал бы, что их существо - это *находиться в сейчас*, быть там, где находишься, делать то, что «делается», встречаться с тем, кто встречается.

Театральным языком это можно выразить, сказав, что *действие является* буквальным, а не символическим, в нем *нет разделения* на актера и зрителя, *пространство является* буквальным, а не символическим.

Если кто-то думает, что общение с ветром невозможно, он просто ошибается. Но если он воображает, что, обращаясь с ветром, как со своей собакой, навяжет ему общение, - он также ошибается. Если кто-то относится к ветру как к кому-то, с кем можно разговаривать, он тоже ошибается. Ибо - что это значит: общаться с ветром? Это начинается с чего-то очень простого. Начинается вот с чего: надо предоставить телу свободу реагировать на ветер. Если кто-то думает, что надо «отвечать» ветру, то получается, будто был задан некий «вопрос». Реакция не требует вопроса. Она всего лишь - восприятие очевидности: ветер есть.

Когда кто-то начинает ласкать дерево, то он, скорее всего, дурачится. Когда кто-то начинает разговаривать с деревом, он тоже дурачится (если он в этот момент не один). Но если кто-нибудь закроет глаза и пройдет рядом с деревом, он почувствует, когда минует его. Дерево - очень сильное бытие. У него мощное поле воздействия, исключительно выразительное присутствие. Не нужно искать в этом особой выразительности, нужно просто делать то, что «делается», и не шуметь о своем присутствии. В этом - подлинный ключ. Ключ к дереву, к ветру, к звезде. Почему мы не чувствуем, что все это - бытие? По отношению к дереву, к ветру, к звезде у нас существует идея контакта с ними - и тут действует тот же механизм, что и в случае цели в дороге. Это просто «освобождает нас» от опыта. Лучше бы не заглушать нашу перцепцию болтливостью. В нашей болтливости - причина того, что мы не воспринимаем присутствия дерева. Так что достаточно *затихнуть, успокоиться*.

Идет ли речь о медитации? Медитация - подлинное действие, но (часто) лишь для человека, который не знает, что занимается медитацией. Люди, которые занимаются медитацией сознательно, слишком озабочены поисками определенного психического состояния. То есть, снова - целью, а не очевидностью. Поэтому я предпочитаю не говорить о медитации.

Достаточно успокоиться. А успокоиться - это не значит быть неподвижным. Очень часто, чтобы успокоить себя, нужно побежать.

В тот период, когда я ставил спектакли, самой важной частью работы были репетиции. Поэтому, когда спектакль уже игрался - даже сотни раз, - мы возвращались к репетициям. Во время репетиций между нами иногда в самом деле что-то происходило.

Когда я говорю: в том, что мы сейчас делаем, произведением является процесс, а не результат, это можно соотнести - *на другом уровне* - с теми прежними репетициями. В каком-то смысле сейчас произошло открытие для участников со стороны - чего-то, что некогда происходило на репетициях. Конечно, *материя того опыта другая*, но такое сравнение может что-то объяснить.

Опыт может продолжаться много часов, может длиться много дней и ночей, наиболее критическим моментом является достижение той точки, в которой участники уже теряют надежду, что что-нибудь произойдет. Пока надежда есть, до тех пор работает воображение: что же должно произойти? Идут к цели, а не существуют. Вначале каждый из участников считает, что должен что-то сделать. Нечто, что считает

обязательным. Кто-то, например, думает, что должен петь или танцевать. Кто-то другой - что должен испытать сильные внутренние переживания, и он, скажем, пускается в медитацию. Кто-то, в свою очередь, полагает, что должен быть свободным, раскованным - то есть диким, - и очень громко кричит. Кто-то еще считает, что это должна быть дружеская встреча, и старается проявлять к другим, которых не знает, сердечность. Трудно понять, почему нужно проявлять к кому-то сердечность, если для этого нет причин. Кто-то кого-то чуть ли не ласкает. Кто-то ищет контактов: или прикасается к кому-то, или вперяет в него взор. Но нужно иметь терпение. Нужно позволить каждому спеть свою арию. И в результате оказаться в наивысшей точке. Все уже сыграно - и ничего... Уже даже вспотел, устал, ему уже даже не хочется. И вот только тогда - все возможно. Потому что вдруг кто-то кого-то увидит. Вдруг кто-то сделает что-то очевидное.

Какова в таком эксперименте роль лидера? Она может быть разной. Но самое главное - он должен не позволить другим испортить то, что кто-то делает по-настоящему. Потому что среди людей распространено яркое явление вампиризма. Как только появляются два лица, между которыми начинает происходить нечто истинное, тонкое, только зарождающееся, как тут же находится третий, который стремится присосаться к ним и все испортить. Первая предпосылка - это уважение к тому, что происходит с другим. Не навязываться. Если нет очевидности - одобрить, принять это *ничто*. Тогда человек приходит к точке, которую мы называем «смирением», к моменту, в который он просто лишь существует и принимает очевидность, вместе с очевидностью - воспринимает сиюминутное время, вместе с сиюминутностью - кого-то, вместе с кем-то - себя, потому что о себе он забывает. Забывает думать о себе минуту назад и о себе на минуту вперед. Когда человек приходит в эту точку, он словно выходит из замкнутого пространства, как если бы он вышел из подвала на вольный простор. Внешний и внутренний. И без всякого различия между внешним и внутренним, между телом и душой, например. Просто *открыто свободное пространство*. А где именно я в нем нахожусь? Не знаю. Может, меня нет? Может, я утратил свой проклятый образ?

Когда достигается эта точка, мы прикасаемся в своем опыте к чему-то, чего люди искали в «драматических религиях» (например, в элевсинской мистерии), к чему-то, что предшествует йоге, к чему-то, что предшествует индийским формам шаманства, к чему-то, что предшествует дзену, к чему-то, что предшествует состоянию поэта, который пишет и не знает, как это с ним происходит. Но очень важная оговорка: не достигается ни йога, ни тантра, ни дзэн, ни шаманство, ни Элевсин, ни поэтическое вдохновение - достигается нечто, что предшествует. Ибо то, что предшествует, присутствует всегда. Можно сказать, что оно записано в нашем генетическом коде. *Начало - присутствует.*

Возник вопрос: *быть здесь и сейчас* - не является ли это также видом целенаправленного мышления? Не отвечаю на этот вопрос, потому что отбрасываю его как игру слов.

Требуется ли подобный опыт особых мест? Лично для меня - да. Но я стараюсь находиться как можно чаще в таких местах. Сейчас - во время этой конференции - наверное не нахожусь, но стараюсь, насколько могу, находиться в таких местах часто. Когда могу, стараюсь найти людей, у которых есть та же потребность, потому что такими являются не все - и в этом нет ничего плохого. Не все люди предназначены для меня (и наоборот), и не с каждым человеком мы можем понять друг друга (не головой - сердцем). Все это - моя жизнь. Если тебе это тоже необходимо - сделай это своей жизнью. Найди для этого обстоятельства. Не поддавайся всеобщему гипнозу: будто нужно делать что-то другое, потому что «это» - нечто странное. *Найди такую основу, чтобы «это» перестало быть странным.* «Это» должно быть очевидным и простым.

Почему для меня это невозможно в любых обстоятельствах? Очень трудно на это ответить. Я бы сказал - обстоятельства могут быть либо благоприятными, либо нет. Иногда, чтобы добиться таких благоприятных обстоятельств, приходится сделать что-то неприятное. Например, чтобы найти людей, которых ищешь, приходится делать доклады, проводить конференции, публичные дискуссии...

Должен еще сказать, что существует определенное понимание обыденной жизни, которая мешает. В обыденной жизни действует отлаженный механизм, определенный автоматизм поведения. И эти автоматизмы мешают, они - как внутренний шум. Поэтому часто, в поисках такого опыта в обыденных обстоятельствах, мы делаем что-нибудь мелкое - что может состояться, а может не состояться - как посещение кафе. Наверное, то, что я сейчас сказал, не совсем понятно. Приведу пример из книги А. Франса «Остров пингвинов»: один святой, у которого испортилось зрение от сияния полярных льдов, три дня и три ночи занимался крещением серьезного, молчаливого и спокойного стада пингвинов, полагая, что это низкорослые люди. В результате возникли теологические сложности. Проблему решила Катерина из Александрии - в ответ на аргумент, что у пингвинов нет души, она заявила: «Дайте им душу, но совсем крохотную!» То же самое и с опытом в обыденной жизни: какой-то он происходит, только «совсем крохотный».

Кто-то спросил, не касаются ли наши эксперименты, о которых я рассказывал, «людей средних классов» из «общества типа евроамериканского». Чтобы дать на этот вопрос точный ответ, нужно обратиться к кибернетике. Это сделать приятно, так как есть возможность с минуту поговорить ученым языком. В кибернетике существует понятие «обратная связь». До того, как люди изобрели ученых, это называлось «равновесием». Если мы слишком наклоняемся в одну сторону, должно быть - в гомеостатической системе - нечто, что выпрямит крен, то есть, что направлено в противоположную сторону. В психологии некоторые называют это «функцией компенсации». В нашей цивилизации, или (как сформулировано в вопросе) в «обществе типа евроамериканского», эта проблема стоит сегодня очень остро. Естественно. Поскольку эта цивилизация построена на таких понятиях, как целесообразность. Но если внимательно присмотреться к другим цивилизациям, то мы увидим, что и там возникала и возникает проблема равновесия.

Возьмем, например, Индию. В классической йоге мы имеем дело с организованной волей, с чем-то вроде аутотренинга. Эта точная техника - правильно применяемая - очень эффективна. Но и она построена на стремлении к цели. Аутотренинг проходит в йоге через ряд строго очерченных стадий и в результате выходит из тренинга, доведя его до крайнего предела. Не случайно классическая йога родилась в обстоятельствах, так сказать, очень стихийных, когда жизнь была слабо организована, структуры были непрочные: и общественные, и интеллектуальные. Классическая йога в этой обстановке стала чем-то вроде самоорганизации, неким контртрезисом. Я допускаю, что это была проблема упомянутой «обратной связи».

В свою очередь, тантра появилась в период сильного доктринерства, когда уже существовали различные кодифицированные системы, к тому же в замкнутых структурах. Эти структуры были очень разросшимися. Тантра пришла, видимо, как контртрезис: положиться на силы естественные, возникающие стихийно.

Очевидно, трудно найти какие-нибудь глобальные правила для всех людей и для всех эпох. У каждого равновесие нарушено по-своему. И поэтому для различных людей «обратная связь» может быть различной. Я далек от мысли, будто то, что необходимо мне, необходимо также и всем. Или, например - как это было сформулировано в вопросе, - необходимо неким «средним классам». Может быть, может быть... Но необходимо заметить, что в каждую эпоху существуют свои закономерности и что, например, невооруженным глазом видно, когда появляется крен в одну сторону. В этом смысле вопрос, может, и оправдан, при условии, если мы будем

учитывать тот факт, что европейская цивилизация охватила массы людей различных рас и континентов, а не просто какого-то «среднего класса». Можно встретить индуса или японца, которые стоят перед той же самой проблемой. Потому что эта цивилизация существует сегодня, собственно, повсюду, приобретает пышные или убогие формы и входит в самые разные системы, приспособляясь к конкретным условиям в каждом данном месте.

Раз уж речь зашла о равновесии, я чувствую, что нужно вернуться к теме обыденной жизни. Так вот, для *собственного равновесия* необходима обыденная жизнь. В ней присутствуют оба полюса: вдох и выдох. Один без другого - это нечто болезненное. Может случиться и так, что испытываешь потребность только в одном, но чтобы эта потребность не иссякла, нужно знать и другой полюс. Если нет другого полюса, контуры начинают расплываться. Все существует - и не существует.

Но есть еще один важный момент, и именно здесь - в Штатах - он важен. Вопрос *жизненного пути* -- с одной стороны, поисков опыта - с другой. Можно ли их как-то чередовать, поставить рядом и на этом построить жизненный путь? Есть люди, которые год занимаются йогой, шесть месяцев - «human potential» (человеческие возможности), шесть месяцев осваивают дзэн, на третий год увлекаются техникой первого крика, на следующий год - мистикой, христианской или суфистской, в последующие годы читают произведения Юнга, а потом пишут весьма толстую книгу о медитации, и эта книга является чистым синкретизмом. Из нее следует, ни больше ни меньше, что возможно вывести вид какой-то синтетической техники. Но эти люди, которые шарахаются от одного к другому, постоянно находятся, по существу, в тоске. Сначала у них много энтузиазма, но потом наступает великое разочарование. И всегда, бросаясь во что-нибудь новое, они проявляют нетерпимость. Они утверждают: «Только это, ничего другого, для всех». А потом что-нибудь иное опять является единственной правдой, и постоянно во всем этом - неудовлетворенность. Первой причиной этого, пожалуй, является отсутствие личного пути. Но кроме того - все так тесно соседствует, и всего понемногу. В результате - нет никакого жизненного пути. Есть только отрезки. Нет никаких поисков. Есть только экстренные меры. И поэтому все испаряется так же быстро, как действие таблетки.

Я имел дело с людьми самых разных континентов. Временами мне кажется, что кое-где легче понять друг друга, чем в нашей цивилизации. Не потому, что у людей с несколькими иными традициями нет таких же, как у нас, проблем, а лишь потому, что там еще существуют, еще живы традиционные связи, относящиеся к началам. Однако, если там существуют, например, *легенды о людях*, которые «это» ищут, если вообще «это» уже *легенда*, пожалуй, это означает также, что нечто утрачено. Что нет уже насыщения чувством очевидности, какое было некогда. Мы сами строим предположения, что где-то там «это» всегда присутствует между людьми в повседневной жизни. Одни предполагают - в Тибете, другие - у американских индейцев. А нет ли, например, таких традиций поближе, в Европе?

Был вопрос, возникал ли такой опыт, о котором сегодня речь, в Предприятии Гора в 1977 году? Мне никогда не приходилось наблюдать, когда мы сообща над чем-то работали, чтобы такой опыт присутствовал все время. И чтобы охватывал всех. Думаю, что в ходе Предприятия Гора для некоторых людей и для меня были такие периоды - их было несколько, - когда то, о чем я говорил, мы испытывали. Но нельзя сказать, что это было постоянно и перманентно.

Должен еще сказать, что не может быть никаких гарантий. Гарантировать ничего нельзя. Что касается меня, то я могу только надеяться. Могу сказать, что настоящая наша работа очень мне близка.

Но то, что обеспечивает условия этой работы, то есть повседневные обязанности:

административные дела, переписка, «обычные человеческие заботы», например, неизбежные конференции, встречи с непомерным количеством людей, существование под давлением - этот хочет одно; а тот - другое, нередко - человеческая навязчивость... Все это ужасно. Так что Театр Лаборатория - это одновременно и то, что дает мне шанс, что мне необходимо, и где иногда происходит нечто близкое сердцу, но - в то же время - *учреждение*. Театр Лаборатория - это бремя. И это бремя я принимаю как неизбежность.